

ШУТОЧНАЯ ПЕРЕДЪЛКА

оды Ломоносова „Подражаніе Іову“.

О ты, что въ горести напрасной
На службу ропщешь офицеръ,
Шумишь и сердишься ужасно,
Что ты давно не кавалеръ!

Внимай, что царь тебѣ вѣщаетъ.
Онъ гласомъ сборы прерываетъ,
Рукою держитъ эспантонъ;
Смотри, каковъ въ щиблетахъ онъ.

Речеть: „Сбери всѣ силы нынѣ
И стой такъ храбро, какъ солдатъ.
Гдѣ былъ, какъ въ ѳунтеръ-офицерскомъ чинѣ
Завелъ въ Россіи вахтпарадъ,

Когда маршировать заставилъ,
Явилъ въ маневрахъ и прославилъ
Величество и власть свою?
Подай-ка тактику свою!

Гдѣ былъ, какъ свѣтъ переродился,
Возросъ изъ алебардовъ лѣсъ
Моей обдѣланный рукою?
А ты не видѣлъ сихъ чудесь,

Когда солдаты всѣ одѣты,
Какъ бы бубновые валеты,
Тянули фронтъ передо мной;
А ты тогда вкушалъ покой!

Кто деревянными кремнями
Солдатъ здѣсь выучилъ стрѣлять,
Къ спишѣ бѣлеными ремнями
Лопаты вздумалъ привязать?

Мундиры съ битью золотою
Не я ли сильною рукою
На плеча офицеръ надѣлъ
И въ праздникъ имъ носить велѣлъ?

Главы, обстриженны солдатски,
Ты могъ ли пуклями снабдить;
И ихъ, одѣвши подурачки,
Въ казармы кучами набить?

И вдругъ, ударивши тревогу,
Подобясь звѣрю, а не богу,
Отъ трусости какъ мышъ дрожать
И вдругъ, въ солдаты написать.

Въ болотахъ глиняныхъ и грязныхъ
Когда и гдѣ ты увязалъ
И офицеровъ безобразныхъ
Въ худыхъ мундирахъ гдѣ видалъ?

Не зря враговъ передъ собою,
Приготовлялся ли ты къ бою,
Никто на коемъ не погибъ,
И взялъ ли приступомъ ты бабъ?

Изъ бѣглыхъ могъ ли ты капраловъ,
Кой не могутъ говорить,
Надѣлать кучу генераловъ
И имъ полки препоручить?

Ты могъ ли эспантономъ править
И подъ арестъ за то отправить,
За вздоръ изъ службы исключить
И навѣкъ въ крѣпость посадить?

Твоей ли хитростью Кутайсовъ
Играетъ роль большихъ вельможъ?
Мѣщанъ пугаетъ онъ какъ зайцевъ,
Дворянство все не ставитъ въ грошъ.

Въ немъ виденъ точной бусурманъ.
Такой талантъ тобой ли данъ?
Но ясна ль въ томъ твоя щедрота,
Велѣлъ что головы рубить?

Пришла ль теперь тебѣ охота
Кадиломъ въ церкви покадить,
Священной ризою одѣту,
Въ себѣ представить шута свѣту,

Служа обѣдню за попа?
Неужли мысль сія глупа?
Ко удивленію всего свѣта,
Когда мундиры я кроилъ,

Зачѣмъ не подалъ ты совѣта,
 Чтобъ я покрой перемѣнилъ?
 Когда я выдумалъ щиблеты,
 Ботфорты, косы и колеты,

Зачѣмъ тогда ты не сказалъ,
 Чтобъ видъ тебѣ иной я далъ?
 Ума твоего предѣлы узки
 Могли ли тайну ту понять,

Что Анна Греческа порусски
 Святая значить благодать?
 Могли ли руки твои дерзки
 Украсить шапки гренадерски,

Знамена, флаги кораблей
 Любезной имянемъ твоей?
 Скажи ты мнѣ, въ странахъ Россійскихъ
 Кто главной аукціонъ завелъ,

И кто хотѣлъ крестовъ Малтійскихъ,—
 За деньги въ ономъ ихъ имѣлъ?
 Съ Французомъ кто два года дрался,
 Чтобъ островъ Мальта намъ достался,

На коемъ нѣтъ почти людей.
 Дѣла то мудрости моей.
 Возмогъ ли ты хотя однажды
 Гоненье шляпанамъ объявить,

Велѣть, чтобъ Россіянинъ каждой
 Престалъ бы круглую носить?
 Пучки и сапоги съ ушками
 Указомъ истребя межъ нами,

Изгнать потомъ съ закономъ фракъ!
 А всѣ кричать, что я дуракъ.
 Сіе служивый, разсуждая,
 Представь мою ты сильну власть

И, мерзостной мундиръ таская,
 Имѣй свою въ терпѣнья часть.
 Я все на вашу пользу строю,
 Казню кого или покою;

Аресты, каторги сноси
 И безъ роптанія служи!“

